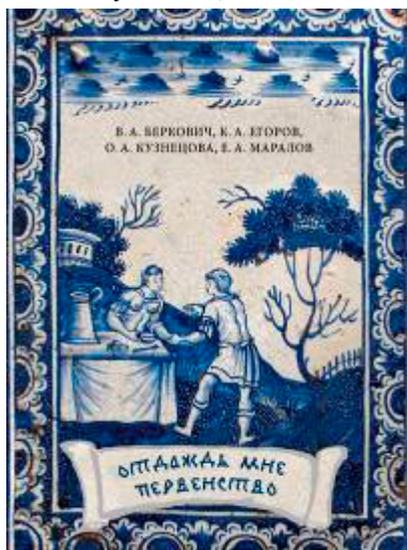

НАУЧНЫЙ КОНТЕКСТ

С. В. Алпатов¹

ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФЕНОМЕНОВ РУССКОГО ИЗРАЦОВОГО ИСКУССТВА НОВОГО ВРЕМЕНИ²

Рецензия на книгу: Беркович В. А., Егоров К. А., Кузнецова О. А., Маралов Е. А. «Отдаждь мне первенство». Изразцы XVIII–XIX вв. из палат купцов Журавлевых в г. Москве. – М.: Буки Веди, 2023. – 292 с.: ил.

Исследования художественной составляющей российской повседневности Нового времени закономерно включают в себя междисциплинарные разыскания историков, искусствоведов и фольклористов в области эволюции стилистики и семантики образно-мотивной структуры изучаемых феноменов материальной культуры. Ярким примером современного подхода к проблеме является коллективная монография, посвященная комплексу печных изразцов из усадьбы московских купцов Журавлевых на Пятницкой улице.

¹ Сергей Викторович Алпатов – доктор филологических наук, доцент кафедры русского устного народного творчества Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва).

² Работа выполнена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Вводный раздел рецензируемой книги описывает историю усадьбы, начиная с 1730-х – 1740-х гг., а также обстоятельства обнаружения склада изразцов под полами флигеля в ходе реставрационных работ 2015 года. Комплекс включает в себя изразцы от разных печных наборов, очевидно, припасенных для будущего ремонта в процессе перекладки усадебных печей. В 2018 г. описанная и систематизированная коллекция, 96 % единиц которой сохранились целиком, передана на постоянное хранение в «Музей Москвы».

Раздел «Общая характеристика коллекции» представляет читателю типологию форм, характерных для печных наборов барочного типа: пояски, перемычки, карнизы, валики и собственно лицевые и угловые изразцы, снабженные датировками, детальной статистикой и иллюстративными примерами. Изразцы относятся к типу гладких расписных, девять десятых собрания составляют экземпляры с синей росписью по белому фону, при этом 891 из 911 изразцов содержат изображения. Гетерогенность обретенного комплекса обусловила разнообразие стилистических манер рисунков: был выявлен широкий спектр уровней мастерства художников – от вполне профессиональных изображений до примитивных фигур.

Основной раздел монографии, неоправданно скромно озаглавленный «О некоторых источниках изразцовых сюжетов», являет собой скрупулезное исследование вопросов генезиса и развития круга мотивов и образов, зафиксированных на изучаемых объектах. Существенно, что часть изображений («пейзажи», «птицы», «звери») представлены многочисленными вариантами, некоторые же («пушка», «обезьяна», «человек в китайском стиле» и под.) существуют в единственном экземпляре.

Фундаментальным основанием стилистического анализа стало установление первоисточников графических сюжетов. Русские изразцы XVIII века испытали влияние нескольких традиций. Прежде всего, мастера ориентировались на классические паттерны древнерусских поливных изразцов: всадник, лев, олень, единорог, грифон, птица сирий. Позже на русских изразцах стала доминировать делфтская манера: голубые изображения домиков, бегущих животных, библейских сцен и эмблем на белом фоне. Многочисленные сюжеты печных плиток восходят к профессиональным иллюстрациям западноевропейских народных библий, сборников басен и эмблем, а также к их российским переизданиям и переработкам (календарям, географическим картам, геральдике). Сюжетные композиции русских печных изразцов XVIII в. обнаруживают сходство с гравюрами из Библии Пискатора, Иконологии Чезаре Рипы, сборников «Эзоповы притчи», «Овидиевы фигуры», «Ифика Иерополитика». Важнейшим источником изразцовых сюжетов послужили гравюры из амстердамского издания 1705 г. «Символы и эмблемата», с которым непосредственно связаны такие сюжеты рассматриваемой коллекции, как «Обезьяна с детенышем», «Собака на цепи», «Пчелы в плуге», «Птица со змеей», «Птица с веткой», «Журавль», «Курица», «Заяц», «Лошадь».

Сравнительно небольшой ряд изразцовых рисунков образуют библейские сюжеты. Это ветхозаветная история о продаже первородства Исавом Иакову

(изразцы № 235 и 236 «Два человека у стола»). Прообразом рисунков на двух плитках коллекции стала гравюра из Библии Питера Схюта. На печных изразцах библейская сцена перенесена из дома в условный пейзаж (дерево, забор, башня), детали изменены (ковригу хлеба заместила миска с плодами), в отличие от книжного источника, где герои обмениваются просительным и удивленным жестами, на обеих плитках братья держатся за руки в знак заключения договора. Вероятно также, что гравюра из Библии Питера Схюта, иллюстрирующая новозаветную притчу о блудном сыне, послужила источником сцены на печной плитке № 325 «Две свиньи кормятся из корыта», где была сдвинута перспектива и третья свинья выпала из композиции. В свою очередь, источником для изразца № 646 «Крупная птица летит над землей с круглым предметом в клюве» выступила гравюра из Библии Маттеуса Мериана со сценой кормления пророка Илии воронами.

Любопытно, что источником для изразца № 604 «Птица с длинным хвостом держит в клюве круглый предмет, справа от нее – кувшин с ручкой» послужил переводной текст совершенно другого типа, а именно: басня Федра о хитрой вороне, которая бросает камешки в кувшин, чтобы поднять уровень воды и утолить жажду. Известный в России с XVII в. этот сюжет приобретает в последующие столетия эмблематическое значение. Другие изображения клюющей из посуды птицы (изразцы № 355, 404 и 634) связаны с традицией сказочных сюжетов типа «Лиса и журавль»: птица пытается есть из тарелки / кувшина. Целая серия изразцовых сюжетов восходит к иллюстрациям из сборников басен Эзопа, неоднократно публиковавшихся в Европе и в России: «Два пса», «О ложном друге», «О голодающем крестьянине», «О воле и мыши», «Об осле», «О ястребе и прочих птицах», «О галке и голубях». Концептуально и стилистически близкими обсуждаемому кругу мотивов оказываются аллегорические образы Земли / Фортуны, рассыпающей дары из рога изобилия. Особо отметим класс изображений, ассоциированных как с баснями, так и с комическими персонажами средневековых маргиналий: плитки № 245, 246 и 244 представляют обезьяну либо медведя, играющих на духовом музыкальном инструменте.

Наконец, укажем на уникальный сюжет изразца № 241 «Человек в восточном халате, разводящий руками в стороны». Китайцы появляются на российских изразцах XVIII столетия в рамках стиля шинуазри, однако в отличие от Европы, где бело-голубая голландская керамика возникает под прямым влиянием образцов китайского фарфора, для отечественных изразцов поясное изображение человека с акцентом на жесте «удивления, рассуждения, поиска пути» – явление не типичное.

Очевидно, что художественная прагматика изразцовой живописи имеет свою специфику. Чтобы избежать явного повторения визуальных клише в серийной продукции, мастер, перенося живописный паттерн на печную плитку, регулярно трансформирует источник, выделяет значимое, исключает или заменяет частности, упрощает или варьирует позу персонажа, удваивает композицию за счет зеркальных отображений фигур. Фон вокруг смыслового центра либо выполняет

функцию декоративной рамы, либо спонтанно усиливает драматический эффект введением разного рода визуальных «откликов» на центральный образ. Подобные смысловые изменения, вносимые в изразцовые картинки, представляют особый интерес для исследователя. Авторы монографии справедливо отмечают, что «в ряде случаев художнику известны сюжеты, стоящие за иллюстрациями-источниками, а потому он позволяет себе уточнять, дополнять и совмещать их – то есть изразцовое изображение не становится декоративным, а сохраняет связь с текстом источника» (с. 39). Однако возможна и обратная ситуация, например: в сборнике «Символы и эмблемата» каждую эмблему сопровождал девиз, на изразцах же с Пятницкой улицы все девизы сняты. Выявленные разнонаправленные эволюционные тенденции дают авторам коллективного труда основание характеризовать изразцовые сюжеты в максимально широком контексте произведений, доступных российским мастерам в изучаемую эпоху и имеющих очевидные либо потенциальные смысловые связи с исследуемыми графическими объектами.

Монография снабжена списками архивных и печатных источников, использованной научной литературы, иллюстраций и сокращений. Приложение I суммирует результаты пошагового анализа в сводные статистические таблицы, Приложение II включает тематические реестры изображений, Приложение III представляет иллюстрированную опись всех 911 единиц коллекции. Насыщенная цветными фотографиями, оснащенная детализированным классификационным и статистическим аппаратом книга тем не менее сохраняет впечатление визуальной ясности и интеллектуальной прозрачности на всем своем протяжении. К числу досадных технических мелочей относится двойная опечатка (с. 33 и 78), возникшая несомненно из-за автозамены сокращения РГБ на РБК.

Характеризуя проведенное исследование связей изразцовых сюжетов с их вероятными источниками в целом, констатируем, что изучаемые коллективом авторов межжанровые и кросс-культурные взаимодействия не были прямолинейными. Сходные сюжеты и связанные с ними композиции рисунка переходили из книги в книгу, поэтому так редко удается установить конкретное издание, которым пользовался тот или иной мастер: «Полное или частичное использование одних и тех же сюжетов, композиций, персонажей, отмеченное в различных источниках, делает картину формирования изразцовых рисунков XVIII века более сложной, поиск исходных изображений многоступенчатым, а результаты не всегда однозначными» (с. 73). Вместе с тем значительная часть рассмотренных в книге изображений создана при отчетливом влиянии конкретных басенных и эмблематических сюжетов, которые оказывали свое воздействие на массовую российскую аудиторию и вербально, и визуально, распространяясь как в печатном виде, так и в формате «настенного театра» печных изразцов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беркович В. А., Егоров К. А., Кузнецова О. А., Маралов Е. А. «Отдаждь мне первенство». Изразцы XVIII–XIX вв. из палат купцов Журавлевых в г. Москве. – Москва: Буки Веди, 2023. – 292 с.